

Юрий Сушко

**Альберт
Эйнштейн
во времени
и пространстве**

Издательство АСТ
Москва

УДК 001.894
ББК 72.3
И 97

Сушко Юрий.

И97 Альберт Эйнштейн. Во времени и пространстве / Юрий Сушко. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 476 с. — (Моя биографии).

ISBN 978-5-17-096713-1

Альберт Эйнштейн — человек, повлиявший на ход истории в XX веке. Величайший ученый своего времени открывается перед читателем с неожиданной стороны. В новой книге Юрия Сушко публикуются ранее не известные факты из жизни гениального физика. Они шокируют, возмущают и неожиданно приоткрывают тайну создания советского ядерного оружия, которое и сохранило хрупкий мир после Второй мировой войны.

УДК 001.894
ББК 72.3

ISBN 978-5-17-096713-1

© ООО «Издательство АСТ», 2016

$$A = X + Y + Z$$

— Вот, — Эйнштейн положил перед господином директором аккуратную карточку с написанным на ней загадочным уравнением.

— И что сие значит? — Отец-основатель и бессменный директор Бернского федерального ведомства духовной собственности Фридрих Галлер столько уже повидал на своем веку, что напрочь отвык чему-либо удивляться, до блеска отшлифовав технику раскусывания всякого рода патентных загадок.

Он пристально посмотрел на своего молодого сотрудника, технического эксперта III класса Альберта Эйнштейна в ожидании ответа. Этот парень был ему симпатичен, хотя бы потому, что не всегда точно можно было определить, говорит ли он всерьез или слегка подшучивает, настолько порой лукавы были его глаза.

— Господин Галлер, мне наконец-то удалось вывести формулу успеха! — Эйнштейн без тени улыбки смотрел прямо в глаза директору. — Взгляните...

Главный патентовед Швейцарии взял в руки карточку и принялся разгадывать предложенный ребус.

— Итак, «А» — понятно, это успех. Ну а «Х»?

— Труд, работа.

— Дальше...

— «У» — игра и отдых, а «Z» — умение держать язык за зубами.

— Та-а-к. — Герр Галлер огладил свою седую бороду. — Стало быть, сегодня, дорогой мой, успеха вам уже не видать. Вы проиграли.

— Почему? — изумился Эйнштейн.

— Не умеете держать язык за зубами. Какой же «Z»?! — Суровый педант Галлер даже позволил усмехнуться собственной остроте. — Ладно, ступайте работать. И — держите язык за зубами.

Эйнштейн улыбнулся в ответ и, уже направляясь к двери, не удержался, чтобы не оставить последнее слово за собой: «А знаете, господин директор, я не отчаиваюсь. Потому что знаю: человек, потерпевший поражение, знает о том, как побеждать, больше чем тот, к кому успех приходит сразу».

Занятно, подумал Галлер. Стало быть, все же не зря в свое время я принял его на работу в бюро.

Обычно директор всех кандидатов, которые претендовали на место в его «ведомстве духовной собственности» (так официально именовалось Федеральное бюро), лично подвергал обстоятельному экзамену. Не избежал его и буду-

щий великий теоретик. Собеседование продолжалось не менее двух часов. Для начала доктор-инженер выложил перед конкурсантом несколько свежих патентных заявок и предложил ему высказать свое мнение о них. Пока молодой человек изучал бумаги, директор извлек из папки его заявление, перечитал.

«Я, нижеподписавшийся, настоящим позволяю себе ходатайствовать о поступлении в Федеральное ведомство духовной собственности на должность инженера П класса, вакансия на которую была объявлена в газете «Bundesblatt» 11 декабря 1901 г.

Я получил образование в области физики и электротехники на факультете для преподавателей физико-механической специальности в Федеральном политехникуме в Цюрихе, который посещал с осени 1896 г. и до лета 1900 г. С осени 1900 г. и до весны 1901 г. я жил в Цюрихе и был домашним учителем. В это же время я пополнял свое физическое образование и написал первую научную работу. С 15 мая по 15 июля 1901 г. я был занят на временной работе в техникуме в Винтертуре в качестве учителя математики. С 15 сентября я являюсь домашним учителем в Шафгаузене. В течение первых двух месяцев я написал докторскую диссертацию, посвященную кинетической теории газов, которую месяц тому назад представил во 2-е отделение философского факультета Цюрихского университета...

Я — сын родителей, имеющих немецкое подданство, но с 16 лет живу в Швейцарии, являясь в настоящее время гражданином города Цюриха.

*С глубоким уважением подписал:
Альберт Эйнштейн.
Банхоффгассе, Шафгаузен».*

В прилагаемой стандартной анкете соискатель так же сообщал о знании немецкого, французского, частично итальянского языков.

Директор положил документы обратно в папку и обратился к Эйнштейну:

- Итак, вы готовы оценить эти заявки?
- Да, господин Галлер.
- Слушаю вас.

Эйнштейн принялся живо излагать замеченные им «про» и «контра» по каждому из предложений изобретателей-самоучек. Доктор сразу обратил внимание на некоторые пробелы в технической эрудиции молодого человека. Все-таки инженер-практик и преподаватель — разные величины. Но едва речь зашла о тонкостях электродинамики Максвелла, Галлер оценил способности потенциального будущего эксперта. Ведь теоретические выкладки Максвелла в ту пору далеко не каждому физика были по зубам.

Когда новый сотрудник вышел, Фридрих Галлер решил проверить свою память и еще раз вернулся к анкете Эйнштейна. Так, этот Альберт родился в Ульме в 1879 году. А Максвелл? Гениальный Клерк Максвелл именно в 1879 году скончался. Господин директор не верил в нумерологию. Но что-то в этом совпадении цифр его заинтересовало. Получается, Мак-

свелл передал этому парню эстафету?.. Мистика. В мистику герр Галлер тоже не верил. И все же...

В тощей папочке с документами Эйнштейна хранилось также письмо от доброго приятеля директора, господина Гроссмана. Владелец крупнейшего завода сельскохозяйственных машин просил старину Фридриха обратить внимание на очень способного однокурсника его сына Марселя, который клялся-божился, что «этот Эйнштейн когда-нибудь будет великим человеком». Прогнозы относительно «величия» господин Галлер решил оставить на завтра, а пока для работы в бюро этот физик вполне годится. И поручим-ка мы ему всю электротехническую ересь изобретательской братии. При этом директор напутствовал Эйнштейна, как и всякого новичка, своей непреложной заповедью: «Вначале считайте, что в заявке все ошибочно, что изобретатель, по меньшей мере, жертва самообмана. Если же это окажется не так, внимательно следуйте за каждым поворотом его мысли. Но не теряйте бдительности!»

В июне 1902 года Альберт Эйнштейн приступил к исполнению обязанностей технического эксперта III класса патентного бюро. И своему товарищу Марселю Гроссману поспешил тут же написать: *«Пожалуйста, передай сердечный привет твоим глубокоуважаемым родным и искреннюю благодарность твоему папе за все его старания, а также за доверие, которое он мне оказал своей рекомендацией».*

Разумеется, Альберт почувствовал себя вполне удовлетворенным. После долгих месяцев мытарств в поисках работы, бесконечных переездов из Милана в Вену, Болонью, Пизу, Геттинген, Лейпциг, где он, как выяснилось, совершенно напрасно предлагал свои услуги местным университетам, после унижительного безденежья, вынужденной (по 20 франков в месяц) экономии во имя накопления нужной суммы (1000 франков) для получения швейцарского гражданства, душу выматывающих домашних уроков (по 3 франка за урок) он наконец-то получил стабильную, интересную, весьма перспективную и престижную, судя по обещанному жалованью (на уровне университетской профессуры (3500 франков в год), работу.

Спустя много лет Эйнштейн, вспоминая свою службу в галлеровской «конторе», называл ее «настоящим благословением». И говорил: «Иначе я если бы и не умер, то зачах духовно».

**«ПОДУШКА, НА КОТОРОЙ ТЫ СПИШЬ,
ВО СТОКРАТ СЧАСТЛИВЕЕ
МОЕГО СЕРДЦА!», —**

заверял свою возлюбленную Милеву пылкий Альберт. — *Я потерял разум, умираю, пылаю от любви и желания... Ты приходишь ко мне ночью, но, к сожалению, только во сне».*

С Милевой Марич они познакомились на ступеньках Цюрихского политехникума, который все — от первокурсников до преподавате-

лей — нежно называли «Поли». Озиравшийся по сторонам Альберт едва не натолкнулся на девушку, которая тоже выглядела немного растерянной.

— Ой, простите, ради Бога!

— Это вы меня простите. Я зазевалась... А вы, случайно, не знаете, как найти шестое отделение физики и математики?

— Не знаю, — развел руками Альберт. — Но мне, к счастью, туда же. Давайте поищем вместе...

В аудиторию педагогического факультета первокурсники Альберт Эйнштейн и Милева Марич вошли вместе. И уселись рядом за одним столом.

Девушка оказалась молчуньей, держалась обособленно и поначалу ничем особенным себя не проявляла. Многим она казалась излишне скромной, замкнутой и застенчивой. Лишь познакомившись с Милевой поближе, Альберт узнал, что она сербка, родом из Воеводино. Отец ее долгое время служил в армии, потом стал чиновником, успешно занимался судебной практикой. Милева была старше 17-летнего Эйнштейна на целых четыре года. Но разница в возрасте не смущала ни его, ни ее. И очень скоро он стал обращаться к ней «Мицца», как называли ее в детстве родные.

— Ты знаешь... — призналась Милева Альберту, когда он на мгновение оторвался от ее губ. — Ну, погоди же! Успокойся... Так знай же, в школе у меня было прозвище — «Наша святая».

— Правда? — удивился Альберт. — И за какие же такие заслуги?

— За высокие оценки и прилежное поведение.

— Да, они были правы. Мне тоже очень нравится твоё поведение, — сказал Альберт и вновь заключил девушку в объятия. — К тому же я ещё никогда в жизни не целовал святых!

— Да? А грешниц? — Она без особого желания попыталась освободиться.

— Что грешниц?

— Многих ли ты грешниц целовал?

— Не помню.

— Врун!

Но Альберт тут же перевел разговор в другое русло: «А чем ты занималась после школы?..»

— Ты не представляешь, до чего же мне очень хотелось продолжать учиться! К счастью, родители тоже были только за то, чтобы я получила высшее образование. Долго судили-рядили, советовались, в итоге выбрали Швейцарию. Во-первых, безупречная репутация здешней высшей школы. Во-вторых, тут нет этой дикой дискриминации в отношении девушек, как в некоторых других странах. Хочешь получить диплом — пожалуйста, учись на здоровье. Главный критерий: знания, а не твоя половая принадлежность...

— Да, с этой точки зрения швейцарская высшая школа мне по душе, — усмехнулся Альберт.

— Вот так я оказалась в Цюрихе и поступила в университет. А ты в то время еще бегал в свою школу, — укорила его Милева. — Только сначала я выбрала медицинский факультет, хотела стать психиатром. Но уже после первого семестра поняла, что физика и математика мне гораздо ближе медицины.

— Молодец! — одобрил Альберт. — Ты заслуживаешь моего поцелуя!

«Как прекрасно это было в последний раз, когда ты позволила прижать мне себя, такую дорогую и маленькую», — потом написал он своей Мицце.

* * *

Что же касается «грешниц»...

Когда у Альберта окончательно испортились отношения с преподавателями Мюнхенской гимназии и дальнейшие перспективы представлялись чрезвычайно туманными, он даже собрался бросить учебу и попросил знакомого врача-психиатра выдать ему справку о необходимости полугодового академического отпуска для восстановления здоровья. Но руководство гимназии его опередило, за год до выпуска сказав ему: «Aufviederzeen!»

Недолго думая, он решил отправиться к родным в Италию, которые к тому времени перевели туда свою фабрику. Там он сообщил им о своем решении самостоятельно подготовиться к поступлению в Цюрихский политехникум, а заодно отказаться от германского гражданства, чтобы не загреть на службу в армию.

Но при попытке поступления на педагогический факультет Цюрихского политехникума Альберт потерпел фиаско, с позором провалив экзамены по ботанике, зоологии и французскому языку. Правда, ректор господин Альбин Герцог, которого вполне удовлетворили успехи абитуриента по математике, физике, пообещал в следующем году принять его в институт. А это время посвятите другим общеобразовательным дисциплинам, порекомендовал он. И обязательно получите аттестат зрелости. До встречи через год!

Завершать образование Альберт отправился в кантональную школу в швейцарском городке Аарау, совсем неподалеку от Цюриха. Там ему предложил кров и стол школьный преподаватель греческого языка и истории Йост Винтелер.

Год учебы в Аарау Альберт неизменно вспоминал с огромной благодарностью: *«Сравнение с пребыванием в немецкой гимназии, где царил авторитарность, отчетливо показало мне, насколько воспитание, основанное на свободе действий и чувстве ответственности перед собой, совершеннее воспитания, строящегося на муштре, дутом авторитете, честолюбии. Демократия — не пустой звук».*

Однажды преподаватель французского задал своим ученикам необычную тему домашнего сочинения — «Мои планы на будущее».

— Прошу вас быть откровенными.

И Альберт ничего не собирался скрывать:

«Молодой человек слишком поглощен настоящим, чтобы много размышлять о будущем. Но с другой стороны, именно молодые люди любят строить смелые планы. Кроме того, для молодого человека естественно составлять по возможности точное представление о своих целях и желаниях.

Если мне посчастливится успешно выдержать экзамены, я поступлю в Федеральный институт технологии в городе Цюрихе. Четыре года буду изучать там математику и физику. В мечтах вижу себя профессором этой области естественных наук, предпочитая их теоретическую часть.

Вот причины, побудившие меня избрать этот план. Прежде всего, способность к абстрактному и математическому мышлению, отсутствие фантазии и практической хватки. Мои желания и склонности ведут меня к такому же решению. Это вполне естественно. Человеку всегда нравится делать то, к чему у него есть талант. К тому же профессия ученого дает человеку известную долю независимости, что очень привлекает меня».

К содержанию исповедального сочинения учитель не имел никаких претензий, но что касается знания французской грамматики... Вот тут Альберт едва-едва избежал провала.

Жизнь в доме учителя Винтелера сулила массу преимуществ. Но главным, помимо чисто бытовых и учебных удобств, оказалось то, что в соседней с постояльцем комнате обитала очаровательная дочь учителя, 19-летняя Мари.

Много позже девушка настойчиво заверяла всех, что «они очень любили друг друга, но их любовь была чистой». Может быть. Но кто знает, вероятно, предаваясь воспоминаниям уже в почтенном возрасте, дама просто не желала откровенничать о своих девичьих шалостях с несовершеннолетним юношей? Во всяком случае, когда Альберт уехал в Цюрих поступать в местный политехникум, Мари сочла себя до глубины души оскорбленной и покинутой. И никак не могла его забыть: «Я не могу найти слов просто потому, что их нет в природе, чтобы рассказать тебе, какое блаженство почитает на мне с тех пор, как обожаемая душа избрала себе обителью мою душу...»

Студент Эйнштейн продолжал трогательно убеждать ее в искренности своих чувств: *«Какое очаровательное письмо, оно меня бесконечно обрадовало. Какое блаженство прижать к сердцу листок бумаги, на который с нежностью смотрели эти дорогие мне глаза, по которому грациозно скользили твои прелестные ручки. Мой маленький ангел, сейчас впервые в жизни я в полной мере почувствовал, что значит тосковать по дому и томиться в одиночестве. Но радость любви сильнее, чем боль разлуки. Только теперь я понимаю, насколько ты, мое солнышко, стала необходима мне для счастья. Ты значишь для моей души больше, чем прежде значил весь мир».*

Альберт ничуть не кривил душой, говорил совершенно искренне. Он всякий раз влюблялся раз и навсегда. Но столь же быстро и без сожалений остывал.

Много-много лет спустя у многомудрого Эйнштейна как-то вырвалось признание: *«Очень скоро я устану от теории относительности. Даже такая с т р а с т ь улетучивается, когда ей уделяешь слишком много внимания...»* Хотя, конечно, нет, в своей страсти к физике Эйнштейн был куда более постоянен, нежели в любви к женщинам.

Мари же продолжала беречь его душу: *«Я люблю тебя вечной любовью, и пусть Господь спасет и сохранит тебя... Милый, милый, любимый, наконец-то, наконец-то я счастлива, как бывает только тогда, когда я получаю твои бесценные, бесценные письма».*

* * *

Итак, со второго захода Альберту все же удалось покорить Цюрих и стать студентом Поли, все-таки диплом кантональной школы давал право поступления с определенными преимуществами. И тут же появилась еще одна причина для поддержки доброго настроения: из Ульма он получил справку, что более не является германским (точнее, вюртембергским) гражданином.

Но зато сколько огорчений доставляли неприятности, которые просто преследовали его родителей. Прогорела семейная фабрика в Павии, потом им пришлось свернуть все свои коммерческие дела в Милане.

Альберт писал сестре Майе: *«Больше всего меня угнетают денежные невзгоды моих родителей.»*